

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2025. № 4(69). С. 19–28
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2025;4(69):19–28

Научная статья
УДК 316.772(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2025-4-69-19-28

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НЕКОТОРЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ И СВЕТСКИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ИЕРАРХИЯ РАНГОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИЛОТНЫХ ОПРОСОВ)*

Рушан Рахимзянович Галлямов^{1✉}, Денис Александрович Ефимов²,
Александр Николаевич Кляшев³

^{1,2,3}Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия

¹gal-rushan@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7080-9150>

²missionerufa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2323-6708>

³ak1168@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1713-9522>

Аннотация. В условиях геополитических вызовов и культурных трансформаций актуализируется вопрос формирования общероссийской (гражданской) идентичности как интеграционного ресурса полигэтничного и многоконфессионального общества. Цель статьи — провести социологический анализ идентичностей отдельных групп населения, выявить зоны взаимодействия и иерархию рангов этих идентичностей с целью определения идеологической основы современного общероссийского самосознания у некоторых религиозных и светских групп в столице Республики Башкортостан — городе Уфа. В качестве предмета исследования основных идентичностей теоретически и методически определены такие ее типы, как религиозная, этническая, семейная, гражданская и профессиональная. Анализ основан на изучении эмпирических материалов, полученных в ходе пилотных опросов 2024–2025 гг., проведенных среди 103 респондентов, в том числе: православных и протестантов (религиозная группа, $N = 52$) и сотрудников издательства, а также — студентов одного из уфимских колледжей (светская группа, $N = 51$). Основной акцент сделан на компаративном исследовании, позволяющем сравнивать религиозное мировоззрение, ориентированное на духовные ценности, и светское — на материальные и индивидуальные цели. Исследование показало, что у религиозных респондентов доминируют религиозная и семейная идентичности, тогда как этническая оказывается наименее значимой. У светских групп приоритетными выступают семейная, гражданская и профессиональная идентичности, а религиозная остается периферийной. При этом гражданская идентичность проявляет объединяющее значение: у религиозных она встроена в духовную парадигму как форма патриотизма и социального служения, а у светских групп (особенно у молодежи) выступает ведущей формой самоопределения. Результаты пилотного исследования продемонстрировали, что, несмотря на различия в ценностных ориентациях, общероссийская идентичность выполняет консолидирующую функцию, выступая сквозным конструктом, способствующим гражданскому согласию и межэтнической устойчивости.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, религиозная идентичность, светская идентичность, иерархия идентичностей, гражданская идентичность

Для цитирования: Галлямов Р. Р., Ефимов Д. А., Кляшев А. Н. Сравнительный социологический анализ идентичностей некоторых религиозных и светских групп населения: взаимодействие и иерархия рангов (по материалам пилотных опросов) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 4 (69). С. 19–28. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-4-69-19-28>.

* Статья выполнена в рамках осуществления государственного задания № AAAA-A21-121012290084-6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений» (дата гос. регистрации 22.01.2021 г.).

Research article

COMPARATIVE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE IDENTITIES OF SOME RELIGIOUS AND SECULAR POPULATION GROUPS: INTERACTION AND HIERARCHY OF RANKS (BASED ON PILOT SURVEYS)*

Rushan R. Gallyamov^{1✉}, Denis A. Efimov², Aleksandr N. Klyashev³

^{1,2,3}R. G. Kuzeев Institute of Ethnological Research,
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

¹gal-rushan@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7080-9150>

²missionerufa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2323-6708>

³ak1168@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1713-9522>

Abstract. In the context of geopolitical challenges and cultural transformations, the issue of forming an all-Russian (civil) identity as an integration resource of a multi-ethnic and multi-confessional society is becoming increasingly relevant. The objective of the article is to conduct a sociological analysis of the identities of individual population groups, to identify areas of interaction and the hierarchy of ranks of these identities, in order to determine the ideological basis of the modern all-Russian self-awareness of some religious and secular groups in the capital of the Republic of Bashkortostan — the city of Ufa. As the subject of the study of the main identities, the following types are theoretically and methodologically defined: religious, ethnic, family, civic and professional. The analysis is based on the study of empirical materials obtained during pilot surveys in 2024–2025, conducted among 103 respondents, including: Orthodox and Protestants (religious group, $N = 52$) and publishing house employees, as well as students of one of the Ufa colleges (secular group, $N = 51$). The primary focus is on a comparative study that compares religious worldviews, focused on spiritual values, with secular worldviews, focused on material and individual goals. The study revealed that religious respondents are dominated by religious and family identities, while ethnic identities are least significant. Among secular groups, family, civic, and professional identities are prioritized, while religious identities remain peripheral. At the same time, civic identity exerts a unifying effect: among religious respondents, it is embedded in the spiritual paradigm as a form of patriotism and social service, while among secular groups (especially young people), it is the leading form of self-definition. The results of the pilot study demonstrated that, despite differences in value orientations, a pan-Russian identity serves a consolidating function, serving as a cross-cutting construct that promotes civil harmony and interethnic stability.

Keywords: all-Russian identity, religious identity, secular identity, hierarchy of identities, civic identity

For citation: Gallyamov R. R., Efimov D. A., Klyashev A. N. Comparative sociological analysis of the identities of some religious and secular population groups: interaction and hierarchy of ranks (based on pilot surveys). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2025;(4(69)):19–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-4-69-19-28>.

Многочисленные вызовы, с которыми сталкивается Российская Федерация в начале XXI в. (антироссийская деятельность коллективного Запада, события на Украине, проблема мигрантов, попытки экспорта в информационное поле нашей страны нетрадиционных и трансгуманистических ценностей) актуализируют, в том числе, вопрос формирования и совершенствования общероссийской идентичности. Как справедливо отмечала известный

социолог, ведущий российский специалист по проблемам идентичности Л. М. Дробижева: «Одно из центральных понятий современной национальной политики... это общероссийское гражданское самосознание, или российская идентичность. Оно непосредственно связано с <...> гармонизацией межнациональных (межэтнических) отношений. Вместе с тем исследования показывают, что в реальности такого рода идентичность может пониматься,

* The article was prepared within the framework of the state assignment No. AAAA-A21-121012290084-6 “Traditional Religions and New Religious Movements in the Southern Urals and the Ural Region: Issues of Functioning, State-Confessional and Interfaith Relations” (date of state registration January 22, 2021).

восприниматься и ощущаться по-разному в зависимости от поколения, территории проживания, этнокультурной среды, разновидности дискурса и формы ее [идентичности] проявления. Следовательно, перед учеными встает задача проанализировать интенсивность и дифференцированность российской идентичности в связи с разными региональными сценариями и этническими полями, а также ее соотнесенность с характером межэтнических отношений и вектором консолидационных процессов в поликультурном российском пространстве» [1, с. 26–27].

Другие российские эксперты подчеркивают, что каждое направление многомерного пространства идентичности «имеет собственную значимость для самоопределения человека, свою шкалу для измерения конкретного признака» [2, с. 337]. Эти авторы отмечают, что данное пространство может включать в себя конфессиональную, этническую, профессиональную, культурную, территориальную и др. идентичности. Результаты некоторых отечественных исследований демонстрируют наличие у респондентов некоего спектра идентичностей, зависящих от разнообразных факторов. Так, «у жителей Калининградской области, на территории которой в разные времена проживали пруссы и немцы и которая в конечном итоге была заселена россиянами, имеет место параллельное самоопределение себя как „особых россиян“, „российских европейцев“, так и „ничем не отличающихся от других россиян“, принадлежащих к „единому российскому культурному континууму“» [3, с. 570]. Одновременно, в отдельных случаях, этническая идентичность молодежи в национальных республиках (в частности, у студентов 1–5 курсов педагогического, химического и филологического факультетов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова) связана с уровнем владения национальном языком, «...чем выше уровень знания языка, <...> тем выше значимость данной идентичности относительно других идентификаций личности» [4, с. 231].

По мнению вышеупомянутой Л. М. Дробижевой, «в национальных республиках (Татарстан, Саха (Якутия), Башкортостан) у представителей титульного народа этническая идентичность хоть и не существенно, но все же

превалирует над общегражданской» [1, с. 29–30]. Напротив, у русских, проживающих в этих республиках, наблюдается обратная картина. В столичном регионе, наиболее урбанизированном, отличающемся высоким уровнем индивидуальной атомизации и пониженной плотностью идентификаций (меньше доля ощущающих сильную связь с какими-либо общностями), гражданская идентичность проигрывает по силе значимости другим наиболее распространенным идентичностям» [1, с. 29–30].

Исследования идентичности у верующих, проведенные отделом религиоведения Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН) продемонстрировали, что у регулярных членов православных, мусульманских и протестантских религиозных общин, независимо от этнической принадлежности и социального статуса, превалирует идентичность религиозная (регулярными членами религиозных формирований мы считаем верующих, которые посещают храм не реже одного раза в месяц, систематически читают религиозную литературу (в том числе священные тексты и произведения авторов, исповедующих ту же религию), активно участвуют в жизни общин и последовательно реализуют доктринальные принципы своей религии как в личной, так и общественной сфере. Такие респонденты характеризуются высоким уровнем религиозности и вовлеченности в вероисповедные практики [5–7].

Таким образом, исследования показывают, что у россиян в настоящее время наблюдается разнообразный спектр идентичностей, однако в условиях geopolитических вызовов, санкционного давления и распространения ценностного релятивизма формирование общероссийской идентичности приобретает стратегическое значение. Она выступает ключевым интеграционным ресурсом, способствующим консолидации многонационального и многоконфессионального общества на основе общих исторических, духовных и культурных ценностей. В современных условиях общероссийская идентичность представляет собой необходимое условие национальной устойчивости, гражданского согласия и сохранения единства

в период социально-политических трансформаций. Общероссийская идентичность определяется Л. М. Дробижевой «как отождествление себя с гражданами страны и государственно-территориальным пространством» [1, с. 27]. В своей более поздней работе она добавляет, что «общероссийская идентичность в большей степени государственная, и это проявляется в первую очередь в ее функции интеграции полиэтничного общества» [8, с. 494]. Можно сказать, что быть россиянином — это быть гражданином Российской Федерации.

Цель данной работы — провести социологический анализ идентичностей отдельных групп населения, выявить зоны взаимодействия и иерархию рангов этих идентичностей с целью определения идеологической основы современного общероссийского самосознания у некоторых религиозных и светских групп в столице Республики Башкортостан — городе Уфа.

Исходя из сформулированной цели, задачами данной статьи являются определение значимости следующих идентичностей (в порядке убывания) в самоопределении респондента: семейная идентичность (представитель (представительница) своей религии); этническая идентичность (представитель (представительница) своего этноса); семейная идентичность (муж, отец (жена, мать, член своей семьи)); общероссийская идентичность (гражданин (гражданка) Российской Федерации); профессиональная идентичность (специалист).

Объект исследования — представители религиозных и светских групп населения Республики Башкортостан; предмет исследования — иерархии идентичностей в мировоззрении религиозных и нерелигиозных (светских) групп населения Республики Башкортостан.

Сбор эмпирического материала, используемого в статье, осуществлялся методом опроса, посредством стандартизированного интервью. Данная работа основана на результатах пилотных исследований 2024 и 2025 гг., в ходе которых были опрошены религиозные и нерелигиозные группы респондентов. В работе использовался также компаративный подход: исследование построено на сравнении двух полярных типов мировоззрения — религиозного (с акцентом на духовные ценности) и светского (с акцентом на материальные и индивидуаль-

ные цели). По мнению авторов, общероссийская идентичность сегодня — консолидирующий идеологический и ценностный конструкт, который формируется на фоне противопоставления «нас» и «Запада», утверждения России как цивилизационно уникальной страны, возрождения традиционных ценностей (религия, семья, патриотизм). Именно религиозные группы чаще всего выступают в роли носителей этой идеи, а светские группы — в роли проверки ее устойчивости в обществе, не связанном с церковью. Компаративный подход позволил выявить, в какой мере мировоззренческая установка влияет на этническую идентичность. Выборка в данном пилотном исследовании была небольшой (всего 103 респондента), но типологически насыщенная — она позволила выявить тенденции, которые затем можно проверить в более масштабных исследованиях. Тем более, что использование стандартизированного интервью позволяло выходить на «качественные методы» анализа.

Религиозные группы (52 респондента) представлены православными и протестантами, которые выступают как носители традиционных ценностей, в которых религия играет ключевую роль в формировании мировоззрения и идентичности. Православные являются крупнейшей религиозной группой в России, чьи духовные и культурные ориентиры тесно связаны с идеей русской народной самобытности, исторической преемственности и государственности. Православие часто воспринимается как часть общероссийской идентичности, особенно в контексте дискурса о «духовном Ковчеге» и противостоянии «деградирующему Западу». Протестанты (в данном случае — христиане евангельской веры) представляют альтернативную, но также религиозно мотивированную модель идентичности. Они часто характеризуются высоким уровнем религиозной вовлеченности, но при этом могут иметь более индивидуалистический подход к вере. Сравнение их взглядов с православными позволяет выявить, насколько религиозность как таковая, а не только приверженность конкретной конфессии, влияет на формирование идентичности.

Нерелигиозные группы (51 респондент — сотрудники издательства и студенты) представляют светски ориентированную часть об-

щества, где формирование идентичности происходит вне религиозного контекста. Сотрудники издательского предприятия — это взрослые, социально интегрированные граждане, имеющие стабильную профессиональную деятельность. Они могут быть как верующими, так и неверующими, но их мировоззрение, как правило, более прагматичное, рациональное и связанное с материальным благополучием, карьерой и личной реализацией. Это позволяет выявить, как светская среда воспринимает национальную идентичность вне религиозного дискурса. Студенты 3–4 курсов колледжа (специальность «веб-программирование») — это молодежь, находящаяся на пороге взрослой жизни, активно использующая цифровые технологии и подверженная глобальным культурным влияниям. Они представляют будущее российского общества и рассматриваются как группа с повышенной склонностью к индивидуализму, потребительству и сомнению в традиционных институтах (включая семью, религию и государство). Исследование их взглядов позволяет выяснить, насколько молодежь принимает или отвергает идею общероссийской идентичности, и сравнить, какое место эта идея занимает в мировоззрении светской, технологически ориентированной молодежи и взрослых представителей светской среды.

Среди представителей светской группы также есть верующие. Хотя определение уровня их религиозности не входило в задачи данного пилотного исследования, по такому показателю, как регулярность чтения религиозной литературы, верующих, входящих в состав светских групп (сотрудников издательства и студентов колледжа), независимо от конфессии (православные, мусульмане, атеисты, теистов, «просто верующих в Бога» и представители «других религий»), нельзя отнести к постоянным членам религиозных общин. Если в группе «религиозные» доля регулярно читающих религиозную литературу среди православных и протестантов превышает 50,0%, а доля тех, кто никогда не читает такие тексты, составляет не более 4,0%, то в группе «светские» доля регулярно читающих религиозную литературу, как правило, менее 50,0%, а доля тех, кто никогда не читает, в подавляющем большинстве случаев превышает 50,0% (исключение составляют

лишь сотрудники полиграфического предприятия, идентифицирующие себя как «просто верующие в Бога»). Что касается литературы, связанной с парарелигиозными движениями, то ее не читает большинство респондентов.

Сбор эмпирических материалов был проведен в следующих организациях:

— религиозная группа:

а) православные (местная религиозная организация православный Приход кафедрального собора Рождества Богородицы г. Уфы Республики Башкортостан «Уфимской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)» (февраль 2025 г.); храм Владимира иконы Божией Матери д. Юматово Республики Башкортостан;

б) протестанты (местная религиозная организация — церковь христиан веры евангельской «В Доме Отца», г. Уфа (март 2025 г.);

— светская группа:

а) Сотрудники издательства, казенное предприятие Республики Башкортостан Издательство «Мир печати», г. Уфа (ноябрь 2024 г.);

б) Студенты колледжа (специальность веб-программирование, 2-й и 3-й курсы, Уфимский колледж статистики, информатики и вычислительной техники (УКСИВТ), г. Уфа (ноябрь 2024 г.).

По результатам анализа первого типа идентичности получены следующие данные:

1. В религиозной группе среди православных у большинства респондентов первая по значимости (но не абсолютная) идентичность — религиозная (47,4%). 26,3% выбрали самой значимой семейную идентичность, еще 26,3% — гражданскую. Причинами того, что религиозная идентичность у православных является первой по значимости, являются, на наш взгляд, такие факторы, как высокая религиозная вовлеченность респондентов — как было указано выше, респонденты регулярно посещают храмы, читают Библию, соблюдают посты и т. д. Для них вера — не формальность, а структурирующий элемент жизни. Еще одним фактором является идеологическая связь православия с русской национальной идентичностью. В современной России православие часто воспринимается не только как религия, но и как основа культурного и гражданского самосознания, что усиливает его значимость. В таких полиэтнических регио-

нах, как Башкортостан, православие может быть частью этнокультурной идентичности (особенно у русскоязычного населения), что делает его более значимым, чем, например, у протестантов, чья идентичность может быть более «личной» или «интернациональной». Как было отмечено выше, 47,4% православных респондентов выбрали самой значимой конфессиональную идентичность — это большинство среди прочих идентичностей, но не абсолютное. Учитывая, что еще 26,3% указали семейную и 26,3% — гражданскую идентичность, можно говорить о сложной, многогранной идентичности, где религия — ведущая, но не единственная составляющая.

2. У протестантов больше всего тех, кто выбрал первой по значимости идентичностью семейную (53,6%). Обозначивших религиозную идентичность самой значимой 39,3%; 7,1% респондентов выбрали позицию «Гражданин Российской Федерации». Превалирование респондентов в данной выборке, выбравших самой значимой идентичностью семью, является, на наш взгляд, частным случаем — с учетом того, что на втором месте по численности верующие, выбравшие идентичность религиозную. Необходимо также учитывать тот факт, что в протестантской традиции (особенно в евангелических и пятидесятнических течениях) имеет место теологический акцент на семье, семья рассматривается как установленный Богом институт, первая община веры, в котором реализуются духовная жизнь, воспитание детей и миссия. В выборке по протестантам 83,3% респондентов имеют детей (а 20,0% являются многодетными родителями, воспитывающими трех и более детей), для которых воспитание детей, забота о браке, совместное служение являются центральными аспектами жизни. Таким образом, семейная идентичность может быть формой выражения религиозной идентичности; 39,3% по-прежнему считают религиозную идентичность наиболее значимой — это второе место, что говорит о ее высокой роли. Религиозная и семейная идентичности у протестантов тесно связаны, и их разделение может быть скорее методологической условностью.

3. Среди сотрудников полиграфического предприятия 64,3% респондентов обозначи-

ли для себя самой важной семейную идентичность, на втором месте по численности (28,6%) те, кто выбрал гражданскую идентичность. Только 7,1% опрошенных сотрудников полиграфического предприятия выбрали как первую по значимости идентичность религиозную. Результаты исследований показывают, что для них семья — основа стабильности и смысла; респонденты — в большинстве своем состоявшиеся семейные люди: 51,7% сотрудников компании женаты, 85,7% имеют детей. Религиозная идентичность не стала для этой группы респондентов ведущей, среди сотрудников издательства есть верующие (в том числе «просто веряющие в Бога»), но, как было указано выше, по такому признаку, как регулярное чтение религиозной литературы, их нельзя причислить к регулярным членам религиозных организаций; религиозная идентичность не стала для них ведущей. Необходимо отметить, что полиграфическое предприятие — это не молодежная, а зрелая, стабильная среда, где ценятся ответственность, порядок и традиции — все то, что ассоциируется с семьей. Тот факт, что 28,6% респондентов из этой группы выбрали второй по значимости гражданскую идентичность, свидетельствует о патриотическом чувстве, которое является вторичным по отношению к личной сфере.

4. В группе студентов колледжа чуть больше половины респондентов (51,4%) определили для себя первой по значимости идентичность гражданскую. На втором месте по численности (31,4%) среди студентов — выбравшие в качестве самой важной идентичности позицию «муж, отец (жена, мать, член своей семьи)». 8,6% студентов выбрали самой важной профессиональную идентичность, 5,7% — этническую и 2,9% — религиозную. Причины того, что студенты колледжа выбрали в качестве самой значимой идентичности гражданскую, кроются на наш взгляд, в следующем: студенты — это молодежь, которая проходит этап формирования личности; она только входит в общество и ищет свое место. Выбор ее представителями в данной выборке гражданской идентичности как самой значимой — это попытка присоединиться к более широкому сообществу, осознать себя частью государства. Большинство студентов не состоят в браке и не имеют детей,

их семейная идентичность еще не сформировалась, однако, тем не менее, 31,4 % респондентов указали самой значимой семейной идентичностью — это говорит о наличии таких ценностей, которые пока не реализованы. Выбор 8,6 % профессиональной идентичности является признаком ориентации этой части респондентов на будущее.

Приведенные данные демонстрируют, на наш взгляд, что выбор наиболее значимой идентичности не означает отказ от других, а показывает, что сейчас наиболее актуально в жизненном контексте респондента, в частности, для верующих — религия, для семейных нерелигиозных людей — семья, для молодежи — гражданство и будущее. Снижение среди членов группы протестантов в данном исследовании доли тех, кто в первую очередь называет себя религиозными (с 88,1 до 39,3 %), возможно, не означает ослабления религиозности; не исключено, что это является проявлением перехода от формального декларирования к внутреннему усвоению процесса реализации веры через семью, а не только через церковь, а также изменения социального статуса: протестанты больше не «иноверцы», а часть общества. Касательно данного случая религиозная идентичность может быть «невидимой», проявляясь через другие формы — семью, мораль, патриотизм.

По результатам анализа второго типа идентичности получены следующие результаты

1. Выбор второй по значимости идентичности является своего рода индикатором многомерности личности. Он показывает, какие ценности, помимо главной, остаются важными для человека, даже если они не доминируют, что особенно важно в условиях, когда личность формируется под влиянием религии, семьи, государства, профессии и этноса. Второй по значимости идентичностью для 33,3 % православных респондентов является религиозная и также для 33,3 % семейная; 16,7 % опрошенных выбрали второй по значимости идентичностью гражданскую, 11,1 % — профессиональную и 5,6 % — этническую. У православных респондентов равный баланс между религиозной и семейной идентичностью (по 33,3 %) говорит о синтезе духовного и личного. Для православного верующего (так же, как и для проте-

станта) семья — это малая церковь, и религиозная жизнь активно реализуется через брак, воспитание детей, совместные молитвы. Поэтому религиозная и семейная идентичности часто идут рука об руку. Гражданская идентичность (16,7 %) в этом блоке вторична, но существует. Это может быть связано с патриотическим подъемом, особенно в условиях геополитических вызовов; однако она не вытесняет духовную и семейную сферы. Профессиональная и этническая идентичности — на периферии. Это говорит о том, что для данной группы важнее внутренние, а не внешние социальные роли. Можно отметить, что у православных религиозная и семейная идентичности тесно связаны, и если одна из них — первая, вторая с высокой долей вероятности станет второй. Это отражает целостность мировоззрения, где вера пронизывает все сферы жизни.

2. Среди протестантов доля респондентов, для которых религиозная идентичность является второй по значимости, составляет 39,3 %, 32,1 % выбрали религиозную идентичность, 17,9 % — гражданскую, 7,1 % — профессиональную и 3,6 % — этническую. Преобладание у респондентов религиозной идентичности как второй по значимости (39,3 %), на наш взгляд, является подтверждением ее центральной роли в жизни протестанта. Даже если первая идентичность — семейная, религия остается фундаментом, через который реализуется вся жизнь. Семейная идентичность, которую выбрали 32,1 % опрошенных, близка по значимости к религиозной. В протестантской традиции семья является полем служения, воспитания и миссии, поэтому она может стать первой, а религия — второй, или наоборот. Выбравшие гражданскую идентичность (17,9 %) находятся на третьем месте по численности в блоке, определяющем вторую по значимости идентичность, что может являться отображением факта активного участия протестантов в общественной жизни, включая волонтерство, благотворительность, социальные инициативы. Профессиональная и этническая идентичности — минимальны. Это говорит о универсальности протестантской идентичности, которая не привязана к нации или профессии, а строится вокруг веры. У протестантов превалируют религиозная и семейная идентичности, и их чередование на пер-

вом и втором месте — естественный процесс. Религия остается сквозной ценностью, даже когда не стоит на первом месте.

3. Большинство сотрудников полиграфического предприятия (64,3%) выбрали второй по значимости идентичностью гражданскую; по 14,3% приходится на выбранных религиозную и семейную идентичности, 7,1% выбрали этническую идентичность. Тот факт, что подавляющее большинство респондентов (64,3%) выбирают гражданскую идентичность второй по значимости, является отражением зрелого, стабильного возраста и вовлеченности в социальную жизнь. Сотрудники издательства являются зрелыми гражданами, которые чувствуют ответственность за страну и ощущают свою принадлежность к государству. Равное распределение между религиозной и семейной идентичностями (по 14,3%) свидетельствует о светской среде с элементами веры. Как отмечалось ранее, среди них есть верующие, но они не практикуют регулярно. Тем не менее, семья и религия остаются важными, но не определяющими. Отсутствие профессиональной идентичности, возможно, является отображением того, что профессиональная принадлежность воспринимается респондентами не как идентичность, а как средство существования. Можно сказать, что у сотрудников издательства гражданская идентичность — связующее звено между личной жизнью и обществом. Это люди, которые мыслят масштабно, но при этом не отказываются от семейных и религиозных ценностей — они просто не ставят их во главу угла.

4. В студенческой группе 33,3% опрошенных выбрали второй по значимости идентичностью семейную, 30,3% — этническую; 21,2% — гражданскую, 9,1% студентов выбрали религиозную идентичность, 6,1% — профессиональную. Несмотря на молодой возраст респондентов, больше всего среди них тех, кто выбрал второй по значимости семейную идентичность (33,3%). Данный факт говорит о глубокой эмоциональной связи с семьей, даже если сами студенты еще не создали свою. Семья является для них источником поддержки и стабильности. На втором месте по численности в этом блоке студенты, выбравшие второй по значимости этническую идентичность (30,3%). Довольно высокий процент выбрав-

ших этническую идентичность второй по значимости может быть связан с многонациональным составом Республики Башкортостан, где этническая принадлежность (русский, башкир, татарин, чuvаш и др.) играет важную роль в самоопределении. Для молодежи это способ выделиться, сохранить идентичность в условиях глобализации. Количество выбравших гражданскую идентичность (21,2%) меньше, чем в группе сотрудников издательства, но все же значима. Молодежь начинает осознавать себя гражданами страны, особенно в контексте современных событий. Количество выбравших религиозную и профессиональную идентичности минимально. У студентов вторая идентичность — это поиск себя. Они опираются на семью и этническое происхождение, как на надежные точки опоры, и пока еще не сформировали окончательно свою гражданскую или профессиональную позицию.

Материалы проведенного авторами pilotного исследования демонстрируют следующие иерархии идентичностей в объединенных группах. В религиозной группе (православные и протестанты) духовная и семейная идентичности доминируют, а этническая — маргинальна. Это отражает теологическую установку на веру как основу жизни. Ядро идентичности у религиозных респондентов — вера и семья, и эта система устойчива даже при изменении порядка приоритетов; экономические и земные ценности — вторичны, а этническая идентичность — минимальна. В светской группе (сотрудники издательства и студенты колледжа) личная (семейная), профессиональная и гражданская идентичности — основные, а религиозная и этническая — периферийные. Это типично для молодежи и зрелых людей в светской среде. Ядро идентичности у светских респондентов — семья, профессия, гражданство; различные формы религиозности частично присутствуют, но не формируют поведение. Молодежь ориентирована на комфорт и контроль над жизнью, этническая идентичность является для студентов формой защиты культуры.

Результаты pilotного исследования показывают, что ключевое отличие в системах идентичностей у представителей религиозных и светских групп выражается в том, что если у религиозных респондентов имеет ме-

сто примат духовного над материальным, то у светских — ориентация на достижение благополучия; однако даже при различии в ценностных ориентациях в вопросах общероссийской (гражданской) идентичности наблюдается определенная консолидация.

В религиозной группе гражданская идентичность не является ведущей, но присутствует как значимая, хотя и второстепенная, составляющая системы самоидентификации. У православных респондентов 26,3% выбрали гражданскую идентичность первой по значимости, 16,7% — второй, 16,7% — третьей, 20,0% — четвертой, что связано с патриотическим подъемом и осознанием себя частью государства, особенно в условиях современных geopolитических вызовов; однако гражданская идентичность уступает религиозной и семейной идентичностям, которые являются основой мировоззрения. У протестантов гражданская идентичность на третьем месте по значимости (46,4%). Этот факт отражает активную социальную позицию протестантских общин: участие в благотворительности, волонтерстве, миссионерской деятельности. Для протестантов гражданственность — форма реализации веры, способ служения обществу, однако только 7,1% опрошенных выбрало гражданскую идентичность первой по значимости, что говорит о ее вторичном статусе по сравнению с семейной и религиозной. Таким образом, в религиозной группе гражданская идентичность — не главная, но важная опора, проявляющаяся через патриотизм, социальную активность и ответственность перед страной. Она встроена в духовную парадигму, а не противопоставлена ей.

В светской группе гражданская идентичность играет более высокую, иногда ведущую роль, особенно среди молодежи. У сотрудников полиграфического предприятия гражданская идентичность — вторая по значимости (64,3%), что свидетельствует о высоком

уровне социальной зрелости и вовлеченности в жизнь общества, эти люди — зрелые граждане, чувствующие ответственность за страну. Среди студентов колледжа гражданская идентичность является первой по значимости (51,4%) — это наиболее важная идентичность для учащейся молодежи, что можно объяснить процессом формирования личности, желанием войти в общество и понять свое место в нем, а также реакцией на текущие общественно-политические события. На втором и третьем местах по значимости у студентов — семейная и конфессиональная идентичности, которые еще не полностью реализованы. Одновременно мы пришли к выводу о том, что в светской группе гражданская идентичность — ключевой элемент самосознания, особенно у молодежи. Она становится основным мостом между личной жизнью и государством, компенсируя отсутствие доминирующей религиозной или семейной идентичности.

В соответствии с представленными материалами мы можем констатировать, что гражданская идентичность — это единственный элемент, демонстрирующий консолидацию между религиозными и светскими группами, несмотря на различия в ценностных ориентациях; у религиозных респондентов она проявляется как морально-патриотическая установка, встроенная в духовную систему. У светских респондентов, особенно у молодежи, она становится ведущей формой идентичности, замещая религиозную и частично семейную. Таким образом, общероссийская (гражданская) идентичность выполняет консолидирующую функцию в современном обществе: она может быть выражена по-разному, но объединяет разные группы вокруг идеи принадлежности к России, особенно в условиях противопоставления «своих» и «чужих», утверждения страны как уникальной цивилизации — гражданская идентичность проявляется как сквозной, объединяющий конструкт.

Список источников

1. Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 25–36.
2. Онсов А. А., Гаспаришвили А. Т. Измерения идентичности русских: социологические оценки и гуманистическая экспертиза // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16, № 2. С. 336–346.
3. Идентичность калининградцев: влияние социальных убеждений на выбор самоидентификации / О. И. Вендина, А. А. Гриценко, М. В. Зотова, А. С. Зиновьев // Известия РАН. Серия: Географическая. 2021. Т. 85, № 4. С. 565–578.

4. Анаев М. А., Багова Р. Х., Ногерова М. Т. Место этнической идентичности в структуре идентификаций и ее влияние на индекс толерантности студентов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1 (23). С. 229–231.
5. Мухаметзянова-Дуггал Р. М. Верующие Республики Башкортостан: этнический состав, идентичность, оценка межконфессиональных отношений // Власть. 2020. № 5. С. 159–163.
6. Мухаметзянова-Дуггал Р. М. Гражданская идентичность верующих Республики Башкортостан (на примере регулярных членов религиозных организаций) // Теология и богословие: сотрудничество для сохранения и укрепления российского духовного наследия : материалы Международной образовательной конференции, Уфа, 01–03 ноября 2022 г. Т. 2. Уфа : Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2022. С. 283–284.
7. Кляшев А. Н. Некоторые социальные и религиозные идентичности протестантов-украинцев Уральского региона // Известия Уфимского научного центра РАН. 2022. № 3. С. 89–93.
8. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498.

References

1. Drobizheva L. M. All-Russian Identity and the Level of Interethnic Harmony as a Reflection of the Vector of Consolidation Processes. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2017;(1):25–36. (In Russ.).
2. Onosov A. A., Gasparishvili A. T. Dimensions of Russian Identity: Sociological Assessments and Humanitarian Expertise. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya = RUDN Bulletin. Series: Sociology*. 2016;16(2):336–346. (In Russ.).
3. Identity of Kaliningraders: The Influence of Social Beliefs on the Choice of Self-Identification / O. I. Vendina, A. A. Gritsenko, M. V. Zotova, A. S. Zinoviev. *Izvestiya RAN. Seriya: Geograficheskaya = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Geographical*. 2021;85(4):565–578. (In Russ.).
4. Anaev M. A., Bagova R. Kh., Nogerova M. T. The Place of Ethnic Identity in the Structure of Identifications and Its Influence on the Tolerance Index of Students. *Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl` = Historical and Social-Educational Thought*. 2014;(1(23)):229–231. (In Russ.).
5. Mukhametzyanova-Duggal R. M. Believers of the Republic of Bashkortostan: Ethnic Composition, Identity, and Assessment of Interfaith Relations. *Vlast` = Power*. 2020;(5):159–163. (In Russ.).
6. Mukhametzyanova-Duggal R. M. Civic Identity of Believers of the Republic of Bashkortostan (Based on Regular Members of Religious Organizations). *Teologiya i bogoslovie: сотрудничество для сохранения и укрепления российского духовного наследия : материалы Mezhdunarodnoj obrazovatel`noj konferencii, Ufa, 01–03 noyabrya 2022 g. = Theology and Divinity: Cooperation to Preserve and Strengthen Russia's Spiritual Heritage: Proceedings of the International Educational Conference, Ufa, November 1–3, 2022*. Vol. 2. Ufa: M. Akhmetulla Bashkir State Pedagogical University; 2022. P. 283–284. (In Russ.).
7. Klyashev A. N. Some social and religious identities of ukrainian protestants in the Ural Region. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN = Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2022;(3):89–93. (In Russ.).
8. Drobizheva, L. M. The meanings of All-Russian civic identity in the mass consciousness of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social`nye peremeny` = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*. 2020;(4):480–498. (In Russ.).

Информация об авторах

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник отдела религиоведения;
 Д. А. Ефимов — младший научный сотрудник отдела религиоведения;
 А. Н. Кляшев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела религиоведения.

Information about the authors

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Candidate of Science (Philosophical), Chief Researcher of the Department of Religious Studies;
 D. A. Efimov — Junior Researcher of the Department of Religious Studies;
 A. N. Klyashev — Candidate of Science (Historical), Senior Researcher of the Department of Religious Studies.

Статья поступила в редакцию 24.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 24.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 22.12.2025.